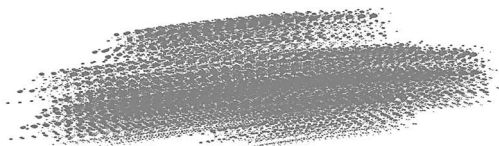

БОЕВАЯ ХРОНИКА

РОМАНЫ О ПАМЯТНЫХ БОЯХ

**МИХАИЛ
КАЛАШНИКОВ**

**РАСПЛАВЛЕННЫЙ
РУБЕЖ**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Калашников, Михаил Александрович.

К17 Расплавленный рубеж / Михаил Калашников. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-199548-5

Лето 1942 года. Фашисты рвутся к Дону. Наши части отчаянно защищают наспех укрепленные рубежи. Настоящей крепостью стал неприступный Воронеж. Красноармеец Роман родился и вырос в этом городе. Теперь он в числе его защитников и должен остановить врага... Немцы обрушиваются на наши позиции всей своей мощью. В какой-то момент Роман понимает, что вот-вот наступит развязка. В отчаянии он забирается в подбитый советский танк, где находит неотправленное письмо погибшего танкиста. Все, что случится потом, можно назвать настоящим чудом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199548-5

© Калашников М.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

В Кольцовском сквере каждый день выкладывали цветами на зеленой клумбе год, число и месяц.

Потом пришли немцы, и время остановилось.

Григорий Бакланов. Пядь земли

Сдаваться без боя Город был не согласен. Почти год его колотило и трясло, но в этой лихорадке Город набирал силу. Теперь он был опоясан рвами, змеями траверсов, колючими оградами, крыши домов ошетились зенитными пулеметами. На перекрестках выросли стопки мешков с землей, на улицах появились ежи из рельсов. Казалось, Город, подобно кошке, приготовившейся к драке, вцепился в землю, собираясь дать достойный отпор врагу.

Война вымела из квартир мужчин, разбросала их по фронтам, опустошила фабричные цеха: ди-

зеля и станки увезли на необжитые места, и в пустых заводских стенах сиротски хлопали крыльями голуби.

Но еще звенел на проспекте трамвай, выходили газеты, вверх по реке плавали прогулочные катера, вывозя детвору в лагеря на каникулы. Город старался жить, он еще не пал духом. Был у него Праздник конца учебного года, и враг его не запретит. Жители бодрились: наварим леденцов, проведем веселый утренник, наплюем в рожу поганой войне.

Пионерский парк принимал гостей. Работал прокат, в нем за определенную плату выдавали во временное пользование кукол и деревянных лошадей, самокаты, кегли. На тропинках было множество белых пионерских панам. На маленькой полукруглой сцене перекликались два баяна — учитель с учеником. На крытой летней эстраде проводились конкурсы. Над фонтаном разлетались радужные брызги, площадки для игр были забиты детворой. Родителям в парке не было места, они сгрудились в тенечке за оградой, под акациями.

В июне, в черную дату чертовой дюжины, над Городом загромыхало. Загудели небеса. Зверинец за техникумом почувял страх прежде людей — в нем раздавался на разные голоса вой. В парке крики, смех, оркестр наяривает, давно праздника не было, и люди веселились. Когда небесный гул накрыл

РАСПЛАВЛЕННЫЙ РУБЕЖ

парк, разбежаться было поздно. Молотящие воздух винты прошили над зелеными макушками деревьев. Оборвались недоигранные ноты, раздались крики детей, вопли матерей... На свежеекрашенных стенах павильона, на панاماх, клапанах баяна появились яркие брызги крови... Россыпь шахмат, перевернутый велосипед, пионерские галстуки вперемешку с белоснежными блузками. Деревья как рождественские елки, обряженные в кровавое тряпье и оторванные конечности. На месте зрительских лавочек образовалась разрытая дымящаяся яма.

В окрестных домах ни единого целого окна, где-то сорвало жестяную крышу, как скальп с головы. Раздался звук запоздалой сирены, зазвучали клаксоны карет «Скорой помощи»... И снова гомон со стороны зверинца, теперь не тоскливый, а дикий, споривший с материнским воем, покрывавшим крики раненых детей.

Прикатили несколько городских трамваев. На рифленых листах вповалку были уложены стонущие раненые. В хвосте каравана двигалась грузовая платформа с мертвыми...

В сквере в день похорон проводился траурный митинг. С окраин Города приволокли «мессер» с погнутым пропеллером, дырками на крыльях. Может, это и был тот самый подбитый самолет из тех, что убил детей в пионерском саду.

Разрезанный рекою с севера на юг Город отправлял на фронт, эвакуировал, готовился к отражению удара. Два его берега связывали мосты. Самый южный и самый новый, детище индустриального века — ВОГРЭС. Под боком у него гидроэлектростанция, от нее аббревиатура. На бетонных арках лежит дорожное полотно и две пары трамвайных рельсов.

У среднего моста богатая биография: с екатерининской поры он устроен на этом месте. Новая эпоха его переродила, из деревянного он стал каменным. Когда-то роща здесь дубовая стояла — Чернава, от той рощи и название мосту было дано.

Северный мост — удаленный, он в стороне от Города. В этом месте полуостров разрывает реку на два рукава, а пара мостовых пролетов, кинутых от полуострова, связывают левый и правый берег. Машинам здесь не пройти, две железнодорожные колеи на нем. За мостом, на левом берегу — стародавнее село, еще с допетровской эпохи, зовется Отрожкой. По нему и мостовая пара названа.

В эти дни на мостах бурлит жизнь. Передвигается народ, едут теплушки и платформы. А река под мостами течет все такая же тихая. Не колыхнуло ее пока самолетной бомбой, не потревожил донную живность залетный снаряд, не вздыбили водяные фонтаны пулеметные пули.

Глава 2

У войны не женское лицо, но легкая женская поступь:

беспечная и сокрушительная,
словно первый весенний дождь.

Егор Летов. «У войны не женское...»

Из распахнутого окна тянуло утренним холодком. Скоро подъем, и казарма (бывший школьный класс) встанет с ног на голову. Замелькают тела в армейском белье, руки с расческами над растрепанными головами, швабры, тряпки, гимнастерки, сапожные щетки. Зазвучат привычные казенные команды, разбавленные неуставными словечками:

«Наряд, строиться! Кто на дежурство? Девчонки, со сменой не затягивайте, разводящую свою толкните, не проснется никак».

Адель заглянула в крохотное зеркальце. Черные брови с широкой прогалиной над переносицей, та-

кие же черные глаза, почти как у галки, аккуратный нос и губы, едва раздвинутые в улыбке. Пухловатое после сна лицо. Да нет, не только после сна, оно у нее всегда не худое. С детства ее награждали обидными кличками за полноту, неповоротливость. Когда другие обдирали коленки, лазая по веткам, Адель суежилась вниз. Она со всем имеющимся у нее упорством старалась поспеть за компанией, выжимала из рук последние силы, из глаз текли слезы, но влезть на дерево не получалось.

Мальчишеские игры закончились, но и после детства ей тоже не везло. Ровесницы влюблялись, часто им отвечали взаимностью, Адель же только вздыхала. Она понимала, что ее вряд ли кто-то выберет, ведь в моде нынче осиная талия, тонкая щиколотка и лебединая шея, поэтому сразу ополчилась на весь мужской род и на самых стройных подруг.

Мать как могла утешала: глянь на мои фото, я тоже до родов была пышкой, но твой отец увидел во мне красоту. Для него не стало препятствием, что я другого племени. Он рассорился со своей родней, которая хотела видеть рядом с ним католичку и польку, я рассорилась со своими. Когда грянет любовь, то не будет границ между верой и родом, она всех примирит и все уравниет.

Адель долго перебирала свадебные карточки родителей и верила, что удача будет сопутствовать

ей только на новом месте. Ждала с нетерпением окончания школы, а там Львовский университет, новая жизнь, новые лица и...

Когда в начале учебного года город заняли красноармейцы, Адель и это событие связала с будущими переменами. Теперь она, ее родной город и все, что ее окружало, будет жить в новом государстве. Ну разве это не знак свыше? Ей выдали новый паспорт, и в нем она пожелала быть записанной Аделаидой: новый документ, новое имя, новая жизнь.

Она преуспела за год в изучении языка и поступила в институт республиканской столицы. Киев встретил ее большим количеством транспорта на широких улицах и сутолокой. Закатанные асфальтом мостовые, радужные клумбы, усыпанные каплями воды, звенящий трамвай, дворцы культуры, библиотеки, концертные залы — все было новое. Были и новые знакомства, и подруги, и Витя из Днепропетровска, оказывающий робкие знаки внимания. Все было. Без малого год.

После сдачи последнего летнего экзамена жизнь полетела еще стремительней, еще неудержимей. В этот раз не на взлет. Родной город с первых дней оказался в прифронтной полосе, транспорт туда ходит только воинский, попасть в него невозможно, да, видимо, и смысла нет: фронт пятится, город ее приграничный, наверняка обречен на сда-

чу. Родителей Ада видела лишь зимой. Они просили приезжать чаще — на католическую Пасху или хотя бы на Первомай. Им ведь не объяснишь, что ей, комсомолке, теперь в храм ходить неприлично и даже зазорно. А Праздник Труда в Киеве — разве можно променять на что-то иное? Если б знать, что все так случится... Примчалась бы к родному дому без повода и праздника, встала на колени перед родителями и поблагодарила бы за их любовь. Отец никогда не оставит мать, скорее, ложно назовет себя евреем и вместе с нею пойдет на муки.

Остается только мстить.

Аделаида вновь повесила на шею распятие и образок Пречистой Девы. Хотела из солидарности к матери нацепить и звезду Давида, но, осознав, что это будет кощунство, отказалась. Тайком от соседок по комнате она стала на рассвете шепотом читать молитвы, которые помнила, просила лишь одного: чтоб жили родители.

Адель вместе с тысячами добровольцев рванула к военкомату. Там оглядели ее неповоротливую, с массивной грудью фигуру, заметили неуклюжесть и посоветовали ехать домой. А когда узнали, что дом разорен и туда не добраться, рекомендовали записаться в связистки, радиотелефонистки, шифровальщицы, на худой конец, санитаркой в тыловой госпиталь — в общем, туда, где можно быть подальше от фронта. Ада настаивала: душа

комсомолки требует не просто воевать, она взывает к мести. В военкомате еще раз оглядели полную фигуру, про себя подумали, что это здоровое тело могло бы выносить и выкормить с десяток будущих солдат, но, хмурясь, выписали бумагу в учебный зенитный батальон.

Несколько месяцев учебы, потом этот Город. Неуклюжесть и полнота в девушке поубавились, военная выучка пошла на пользу. Режим, рацион, тренировки делали свое дело. Армейская форма подчеркивала ее заметно похудевшие формы.

Стрелять не по учебным целям уже приходилось, но счет пока оставался сухим, как говорили на матчах до войны. Командир каждый раз подбадривал:

— Милые девушки, ваша задача — не столько сбить противника, хотя и это не возбраняется, сколько создать над городом огненную завесу и не допустить врага к низким высотам, к точному прицеливанию. Своим огнем вы заставляете его нервничать, не даете снижаться, он сбрасывает бомбы где попало, и это уже победа.

Ада слышала его болтовню, в голове, помимо не утихшего после боя звона, вертелось: «На этот раз фашистские самолеты ушли от меня, но ничего, будет еще попытка». Она не раз задумывалась: «А вдруг я и правда однажды собою? И вдруг он упадет на землю и взорвется в том месте, куда не

упала бы его бомба, не зацепи я его? Скажем, на госпиталь или бомбоубежище детского сада. Получится, что я не мститель? Убийца детей и калек?»

Мысли ее оборвала завывшая сирена, в бывшем классе поднялся переполох. И каждый раз так: зазвучит сигнал тревоги, зенитчицы мечутся в суматохе, совершая кучу лишних движений, в спешке собирают оружие и амуницию — никак не привыкнут к сигналу тревоги. Но когда все расставлены по номерам, заправлены ленты и взведены курки, тут не до суеты. Мысли работают четко, движения выверены.

Над крышами появилась самолетная пара. Знакомые старые гости — «лаптежники». Желтые стойки шасси под серо-синим стальным брюхом, как куцые утиные лапы. В прозрачном саркофаге кабины торчит голова в кожаном шлеме. Под шлемом мысли: «Ну здравствуй, новая точка на карте! Чем порадуешь? Думаю, вряд ли удивишь. В Тобруке и Ливийской пустыне я повидал многое. Где тут у вас вокзал, милые хозяева? Scheiße! Вы и правда гостеприимны, успели поцеловать в крыло. Надо ответить взаимностью. Удобная позиция у вас, удобной будет и могила. Что замерли, детки? Выжидаем? Дядя Эрих рядом, сейчас будет раздавать подарки. Какие-то странные фигуры... из-под шлема косички... А у этого юб-

ка? Даже вымя под кителем вон у той! Хах, по бабам работать еще не приходилось, такого не было даже в Тобруке! Ну держись, шлюха. Ответишь за рану на крыле моей голубки... Scheiße! Метко бьешь, коммунистка... Придется скинуть груз над кварталами, голубка моя чахнет... Я не говорю вам прощайте, милые дамы, я говорю — до скорого свидания! Такого не было даже в Тобруке».

В него она попала, Ада видела это. Хоть и не всей очередью, а лишь краем, но ему хватило. «Лаптежник» рано вышел из пике, и приготовленная для зенитчиц бомба, не долетев, угодила в мостовую. Следить, что будет с самолетом дальше, не было времени, в небе и без того хватало гостей. Где-то за увалом крыши часто кашляла скорострельная пушка соседнего расчета. Отдельным басом гремел голос командира на дальномере, сильно разбавленный дублирующими девичьими отголосками.

По жестяной крыше июльским ливнем стеганули осколки. Пронзительно крикнула подносица снарядов и схватилась за поясницу. Оля Понынина. Как и Адель, бывшая студентка, любившая вышивать и читать стихи. На прошлой неделе в воскресенье, во время полкового досуга, Оля вышла на импровизированную сцену, стала громко читать:

*Я говорю с тобой под свист снарядов,
угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
страна моя, печальная страна...*

*Кронштадтский злой, неукротимый ветер
в мое лицо закинутое бьет.
В бомбоубежищах уснули дети...*

На этих словах голос ее дрогнул, подбородок запрыгал, она опять попыталась продолжить читать стих, но еще больше стали душить слезы, и она стремительно скрылась за кулисой. Оля, как все, любила сладкое, любила поэкспериментировать с прической, любила тайком вылезть на крышу и, спрятавшись в укромном прогалке между двумя слуховыми окнами, позагорать.

Срезанный осколком брезентовый ремень мертвой змеей упал к ее ногам. Ноги выбивали по крыше дробь, подошвы ботинок ляпали по натекающей кровавой лужице, пятнали рукава подскочивших санитарок.

Ада лишь две секунды смотрела на все это. Затем в ее каску что-то стукнуло, потом ее дернули за плечо. «Продолжать огонь», — прогремел в ухо мужской голос, и еще двинули чем-то железным по каске.

Турель с четверкой рифленых пулеметных кожухов завращалась. Чехарда команд и цифр, пе-

РАСПЛАВЛЕННЫЙ РУБЕЖ

резарядка, заправка новых лент. В небе полно дымных облаков, они сползаются в тучу. За темным смогом прячутся «гости», наверняка самолеты успели смениться раза по три, так казалось Аделаиде, не могут же одни и те же так долго кружить над ними. Ада отпускала гашетку и слышала сквозь гул пылавшего Города, сквозь визг моторов в небе, как шипел кипяток в раскаленных кожных ее счетверенных стволов пулемета. Намокшая форма и белье липли к подмышкам, животу, с лица пот она уже не вытирала. Руки от напряжения заметно дрожали, перед глазами плыли радужные пятна.

«Сознание не потерять бы», — успела произнести Аделаида или просто подумала про себя.

Глава 3

Дон в этом месте неширок, Роман сплавлялся по нему вплоть до Ростовской области. Хоть и давно это было, лет восемь назад, а такие приключения не забываются. Дядька тогда расстарался для Романа: нанял у знакомого лодку с мотором, собрал харчей на полмесяца, достал у другого знакомого палатку, выпросил отпуск.

Они плыли вниз по реке и почти не налегали на весла. Течение несло их мимо залитых солнцем берегов, изумрудных лугов с пятнами рыжих коровьих пастбищ, мимо меловых скал и холмов, откуда доносились запахи чабреца, мимо старых верб, спускавших низко к воде толстые ветви. С ветвей прыгали в воду мальчишки, радостно махали проплывавшей лодке, кричали приветствия. Дядька иногда подгробал к крупному селу с пристанью, ходил в местное сельпо подкупить хлеба и крупы для кулеша, племянника баловал бутылкой ситро и ванильным пряником. Ноче-

вать всегда останавливались на пустынном берегу, подальше от села или хутора, чтоб берег был удобный и желательно с пляжем. И на следующий день плыли мимо них опять песчаные широкие косы, табуны и стада, огороды с капустными головами и огуречной ботвой, резные перила аккуратных плавучих пристаней, симпатичные фронтоны дебаркадеров, а на них все новые названия мест и селений.

Дядька показывал на ту или иную меловую гору, пояснял, что раньше здесь была церковь или даже пещерный монастырь, но теперь засыпанный, исчезнувший. Произносил названия тех стертых с лица земли монастырей. Роман просил дядьку остановиться и поискать вход в пещеру. Дядька как мог отбивался от просьб, мол, опасно это: пещеры и обвалиться могут, и рассказывают, будто монахи в них до сих пор тайно живут, а что у них на уме, у этих монахов — бог знает. Небось не любят, когда их тревожат. Не помогало и это. Тогда стал пугать племянника иными страхами: милиция у пещер дежурит, кого поймают — в тюрьму могут посадить как «сочувствующего прежнему строю и верующего». После этих баек Роман затихал. Уже за Павловском дядька сжалился, и в одну пещеру им все же удалось попасть. Среди меловой осыпи дядька отыскал низкий, почти заваленный вход. Они зажгли стеариновую свечу, с которой

по вечерам укладывались спать, и зашли в темную пещеру.

Стены в основном были гладкие, но по надписям на них Роман понял, что они с дядькой здесь далеко не первые гости. В одном месте дядька остановился у необычного рисунка, вырезанного в меловой стене. Он изображал длинную ладью с растянутым парусом и огромную пальмовую ветвь. Дядька сказал тогда: «Глянь, Ромка, как в старину люди по Дону плавали. Видать, из теплых краев были: видишь, пальма у них. Жаль, до Цимлянска не доплывем. Там весь склон меловой буквами и крестами изрезан, кто-то древний старался, не по-нашему написано».

Цимлянска и вправду они не увидели, дошли только до казачьих рубежей. Обратное пошло на моторе, малым ходом, экономя солярку. Когда дядька видел в займище трактор или грузовик, непременно причаливал, брал канистру для топлива и недолго о чем-то беседовал с шофером. Возвращался всегда с полной канистрой. Опять мимо них поплыли берега, но уже в обратную сторону.

...Роман смотрел на узенький мост. Шаткий дощатый настил, хлипкие перильца, зыбкая основа понтонов, ходившая под легкой волной. Сбоку от моста, на дополнительном понтоне — низенькая конура бакенщика, теперь — комендантский